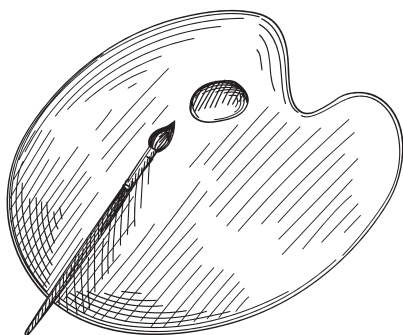

アニメの
原作

ХИТЫ
ЯПОНИИ
АНИМЕ

Это Мори

МНОГОЦВЕТЬЕ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
М79

森絵都
Eto Mori
カラフル
COLORFUL

*Перевод с японского Анны Слащевой
Дизайн обложки Екатерины Климовой*

Мори, Это.

М79 Многоцветье : роман / Это Мори ; перевод с японского Анны Слащевой. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 160 с. — (Хиты Японии. Аниме).

ISBN 978-5-17-148572-6

Каждый в своей жизни мечтает выиграть в лотерею, но грешной душе везет вдвойне — она выигрывает в нее после смерти! Но ее ждут вовсе не небеса, а возвращение в земной мир и целая вереница испытаний. Оказывается, только так можно заслужить прощение свыше и вернуться в круг перерождений.

Волей-неволей грешная душа перемещается в тело юноши Мако-то Кобаяси, который решил на отчаянный шаг. Теперь перед его новым я встает множество сложных вопросов, касающихся семьи, школы, любви. Но за историями и болью других людей душа не должна забывать о своей главной цели — найти ответ на вопрос, кто она такая и какой грех совершила. Ведь от этого зависит ее дальнейшее существование.

Жизнеутверждающая и трогательная история о разных судьбах, характерах и выборах людей раскрывается во всех ее красках — от самых темных до самых светлых оттенков!

ISBN 978-5-17-148572-6

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

«Colorful» by Eto Mori
© Eto Mori, 1998
Все права защищены.

Cover illustration © Achan / IPM Vietnam
Впервые опубликован *gironsha* в 1998.

Опубликован в виде издания в мягкой обложке Bungeishunju Ltd. в 2007.
Печатается с разрешения Bungeishunju Ltd., при содействии агентства
Bureau des Copyrights Français, Tokyo.

© Слащева А. С., перевод на русский язык, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	5
1.....	9
2.....	21
3.....	33
4.....	45
5.....	53
6.....	61
7.....	69
8.....	81
9.....	87
10.....	97
11.....	109
12.....	115
13.....	123
14.....	135
15.....	147
16.....	149

ПРОЛОГ

Кажется, я умер, и, когда моя душа уже плавно устремилась в какое-то темное место, на пути вдруг возник абсолютно незнакомый ангел и, расплывшись в улыбке, сообщил:

— Поздравляю вас с победой в лотерее!

Дальше он пустился в объяснения:

— Вы — грешная душа. Вы умерли, совершив гигантскую ошибку. Как правило, такие души дисквалифицируются, то есть исключаются из круга перерождений. А значит, они больше не имеют права на реинкарнацию. Впрочем, многие говорят, что это крайне несправедливо, поэтому время от времени наш босс дает второй шанс душам, которые выиграла в лотерее. И вы как раз такая душа-везунчик!

Я опешил. От изумления глаза округлились, а рот открылся... бы, если у меня были бы глаза и рот. Но, став простой бесплотной душой, я мог только удивляться, с чего это вдруг я вижу и слышу этого ангела.

Он предстал передо мной в облике элегантного мужчины. С виду ангел ничем не отличался от простого человека, разве что его высокое, худощавое тело оказалось обернуто в белую ткань. Крылья за спиной у него имелись, а вот нимба над головой я не заметил.

Как бы то ни было, я ответил:

— Простите, но я отказываюсь.

— Почему?

— Просто так.

Это Мори

Я уже начисто забыл все, что случилось со мной до этого момента. Говорил я о себе в мужском роде, но что за мужчиной я был и с какой жизнью распрощался — совсем не помнил. От пребывания на Земле осталось только ощущение крайнего утомления: возвращаться в бранный мир нисколько не хотелось.

— Что-то не хочется. Знаете, я будто в супермаркет случайно зашел, а тут вдруг звуки хлопушек и голос в микрофон: «Поздравляем, вы наш миллионный клиент!», и вот тебя уже насильно заставляют поехать на Гавайи сию же секунду. А я бы лучше дома поспал.

Но ангел хладнокровно парировал мои возражения.

— Понимаю ваши чувства. Строго между нами, многие сомневаются в необходимости этой лотереи. К сожалению, решение босса — закон. Ни вы, ни я, ни кто-либо другой не могут ему перечить. Он ведь Отец всего сущего.

После такого аргумента я не нашелся что сказать. Противник оказался мне явно не по зубам.

Поэтому я хмуро замолчал, а в лазурных глазах ангела совершенно неожиданно зажегся хитрый огонек.

— К слову, вас ждет вовсе не рай и даже не Гавайи.

Ангел рассказал, что его зовут Пурапура. Он занимал должность проводника, и его назначили ко мне. И сейчас его задача — препроводить меня к месту «второго шанса».

«Что это за второй шанс?»

Пока я в непонимании торчал между миром небесным и миром земным, Пурапура пустился в объяснения.

Короче говоря, все выглядело так.

Как он и сказал, я — грешная душа, которая в предыдущей жизни совершила гигантскую ошибку. Обычно такие души исключаются из круга перерождений, но мне повезло выиграть в лотерею, и я получил второй шанс.

Второй шанс — это возможность снова пройти закалку в земном мире, где я в прошлой жизни совершил грех.

МНОГОЦВЕТЬЕ

Под закалкой понимается, что моя душа проведет определенный срок времени в земном мире, воплотившись в чьем-то теле. Чье это будет тело и в какую семью оно попадет — решает босс Пурапуры.

Среди ангелов закалка по-простому называется «жизнью в гостевой семье». Конечно, гостевая семья может оказаться как и хорошей, так и плохой. На каждый благополучный дом приходится по неблагополучному. На каждую трагедию найдется комедия. От семьи с домашним насилием никто не застрахован. Однако место определяется по совокупности грехов, совершенных в прошлой жизни, так что жалобы не принимаются. М-да...

Пурапура может прийти на помощь, если в гостевой семье возникнут какие-нибудь трудности. Но как и чем он поможет — зависит от настроения.

Если закалка пройдет удачно, то в какой-то момент ко мне сами собой вернутся воспоминания из прошлой жизни. Когда я осознаю масштаб совершенного мной греха, то жизнь в гостевой семье закончится. Я покину тело, вознесусь на небо и снова войду в круг перерождений. И все будет жить долго и счастливо. (Правда, что ли?)

— Вот что, Макото.

Пурапура закончил свою лекцию, и его крылья нетерпеливо затрепетали.

— Прямо сейчас мы отправимся в земной мир.

— Макото?

— Отныне вас зовут Макото Кобаяси. Этот мальчик три дня назад решил покончить с собой, наглотался таблеток и теперь лежит в коме в критическом состоянии. Между нами говоря, совсем скоро он умрет. Как только душа покинет его тело, вы окажетесь внутри.

— То есть я украду его тело? — спросил я.

— Что вы, что вы, — мягко сказал Пурапура. — Вы просто поживете в нем некоторое время. Давайте думать позитивно.

— А какой он, этот Макото Кобаяси?

— Вы сразу поймете.

Мне хотелось узнать побольше, но Пурапура, будто устав объяснять, распахнул крылья, схватил меня за руку, и не успел я и слова сказать, как мы взлетели.

Внезапный толчок — и земля унеслась из-под моих ног. Со скоростью света мы помчались вниз. Нет, Пурапуре для этого крылья не нужны. Ангел ли он — или, может быть, демон? Меня охватила тревога, но вскоре яркий, разноцветный водоворот поглотил меня — и я потерял сознание.

В себя я пришел уже как Макото Кобаяси. Дождь, похожий на туманную дымку, укрывал мое тело. Я лежал у дороги. Проходящие мимо люди бросали на меня взгляды и уходили, ускоряя шаг. В конце концов, у меня уже не было сил поднимать голову, и я лишь одним глазом смотрел в свинцовое небо.

Вот оно, настоящее тело. Только что совершенно голая душа оказалась укутана в него, как в теплое пальто. Кажется, оно лежало на футоне... нет, на кровати. Пахло лекарствами, значит, кровать, наверное, больничная. Точно. Ведь Макото хотел покончить с собой и сейчас находится в критическом состоянии...

М-м? Рядом кто-то всхлипывал.

Кто это?

Не успел я собраться с мыслями, как веки мои ненадолго распахнулись сами.

И я встретился взглядом с какой-то всхлипывающей женщиной.

— Макото... — проговорила она как бы в забытьи.

И за этим последовал отчаянный крик:

— Макото?!

Все тени вокруг мигом повернулись ко мне. Действительно, я лежал в больничной палате: кровать окружали пугающего вида медицинские аппараты и приборы, за которыми мелькали медсестры в белых халатах.

Это Мори

«Да ладно?!» — прорычал чей-то бас, и белые тени нервно забегали по комнате.

— Макото!

Это воскликнул мужчина средних лет, который поддерживал женщину.

— Макото ожил!

Да. Позже я узнал, что десять минут назад у Макото Кобаяси диагностировали клиническую смерть. Душа Макото вознеслась на небо, а я вселился в его опустевшее тело и ни с того ни с сего открыл глаза. Все переполошились. Даже доктор воскликнул:

— Пульс... давление... Поверить не могу!

Как только подтвердилось, что Макото действительно ожил, радость мужчины и женщины перешла всякие границы. Я сразу понял, что это — родители Макото. Неудивительно, что они чуть с ума не сошли от ликования, когда их уже мертвый сын вдруг пришел в себя. Оба с нечленораздельными криками трепали мои щеки и волосы, гладили руки, душили в объятиях. Впрочем, хотя эти совершенно незнакомые люди зацеловали меня всего, неприятно от этого, как ни удивительно, не было. Тело Макото откликнулось на их порыв раньше, чем моя душа.

Но у Макото был еще один член семьи: мальчик в школьной форме, который, расправив плечи, стоял перед кроватью и злобно смотрел на меня налитыми кровью глазами. Среди восторженной толпы родителей, врачей и медсестер он один сохранял надменный вид. Потом я узнал, что это — Мицуру Кобаяси, старший брат Макото. Однако в тот момент я понятия не имел ни о Мицуру, ни о возрасте Макото и лишь мельком подумал, что это, наверное, брат.

Отец, как безумный, повторял:

— Макото с нами, Макото с нами!

Мать не выпускала меня из объятий.

Только брат молчал.

Многоцветье

Вот при таких обстоятельствах, которые не очень способствовали беспристрастным наблюдениям, я и познакомился со своей гостевой семьей.

Жаль, конечно, что они не были ни особо богатыми, ни знаменитыми, хотя от этого вредного ангела многого ожидать и не приходилось. Про себя я порадовался уже тому, что, на первый взгляд, они хотя бы походили на нормальных людей. Ведь, открыв глаза, я вполне мог бы обнаружить себя в кругу восьми рыдающих мачо в красно-желтых полосатых боди. Нет уж, лучше простые люди!

Но стоило мне немного расслабиться, как сразу навалилась сонливость.

Похоже, тело Макото, только что пережившее клиническую смерть, еще не восстановило силы: я испытывал крайнюю слабость и почти не мог двигаться. В конце концов, без единого слова я погрузился в сон.

Так прошел мой дебют в роли Макото Кобаяси.

Еще некоторое время я ощущал себя слабым и мне все время хотелось спать. Хотя тело Макото шло на поправку так быстро, что главный врач чуть ли не плясал от радости, из-за прописанных трижды в день лекарств вялость и сонливость никак не проходили. К счастью, в больнице было совсем нечем заняться, поэтому я только и делал, что спал.

Три четверти дня я проводил во сне, а когда открывал глаза, то рядом видел либо лицо отца, либо лицо матери, либо спину Мицуру.

Если я просыпался, когда за окном было светло, то рядом обязательно сидела мать. Невысокая, с выразительными чертами лица, она всегда пристраивалась на стуле у кровати и щурилась, будто подсчитывая, сколько раз я моргну. Когда наши взгляды встречались, она ограничивалась короткими фразами вроде «Лучше?» или «Включить телевизор?». Помимо этого она почти ничего не произносила и вела себя со мной как-то стесненно, будто боялась затронуть болезненное место. Сначала я счел ее равнодушной, но потом

Это Мори

решил, что раз Макото покончил с собой, то наверняка с ним было что-то не так, а она лишь пыталась осторожно проявить к нему внимание.

Мицуру, старший брат, появлялся ближе к вечеру на несколько часов, чтобы дать матери отдохнуть. Он оказался неразговорчивым и, молча расправившись с ужином и уборкой, сидел спиной ко мне, погружившись в учебники и справочники. Судя по всему, он учился в выпускном классе, поэтому как-то раз я решил прервать молчание первым и сказал: «Ох уж эта учеба!» Мицуру вдруг сердито зыркнул на меня, резко захлопнул учебник и стремительно вышел в коридор. Может, от стресса перед экзаменами.

Вечером посещать больных разрешалось с семи до девяти. Отец Макото всегда приходил строго в эти часы. Всякий раз, когда он появлялся с неизменно сияющей улыбкой на пухлом лице, вся чересчур огромная для меня одного палата будто озарялась светом. В отличие от матери, отец постоянно смотрел на меня и разговаривал, не забываясь о том, какие подбирать слова. Каждый вечер он повторял: «Как же я рад, что ты ожил, Макото!» или «Я еще никогда не был так благодарен Всевышнему», искренне делился всем, что было у него на душе, а потом уходил в безмятежном настроении. Он пользовался популярностью среди медсестер, которые повторяли на все лады: «Какой хороший папочка!» Конечно, он не приходился мне отцом, но никаких проблем с этим я не испытывал.

В общем, мать, отец и Мицуру произвели на меня разное впечатление, но, кажется, их объединяла огромная любовь к Макото. Ведь что заставляло даже хмурого старшего брата каждый день приходить в больницу, как не любовь?

Хоть для меня это была гостевая семья, в больнице я потихоньку стал осознавать, что ко мне они относятся как к настоящему родственнику.

Можно даже сказать, что это единственное, что я понял в эти сонные, вялые, смутные дни в больнице.

Многоцветье

Через неделю моя больничная жизнь кончилась. Вообще-то, поправился я уже давно, но поскольку мой случай оказался особенным (я ожил через десять минут после остановки сердца, что встречается крайне редко), врачи в больнице решили понаблюдать за мной, чтобы поизучать мое состояние. Для них я был чудо-мальчиком, драгоценным пациентом.

— Ты уже один раз умер, — обратился ко мне молодой доктор перед выпиской, потрепав меня за щеку. — Этого хватит, так что не надо снова.

Выписали меня в воскресенье. В ясный осенний день, вскоре после полудня, семья Кобаяси приехала за мной на машине, и мы отправились домой в тихий спальный район. В гостиной, которая сияла чистотой, везде стояли вазы с цветами, а на японском столике выстроились ряды суши, стейков и прочих угощений. Сначала от вида самого обыкновенного дома семьи Кобаяси я немного приуныл: «Да, значит, они точно не богачи...» Все это забылось, когда я оказался объектом их нежной заботы. Я даже воспользовался моментом и выступил с краткой речью от лица Макото: «Спасибо вам всем!» Я почти не разговаривал в больнице, чтобы не выдать себя, поэтому после моего небольшого выступления родители Макото даже прослезились.

В общем, семейная идиллия во всей красе.

Пурапура говорил мне, что обстановка в моей гостевой семье будет зависеть от масштаба ошибки, которую я совершил в прошлой жизни. Мне даже стало казаться, что грех мой был совсем малюсеньким. Наверное, я слишком много пил. Или чересчур много тратил. Или же был жиголо-соблазнителем. Что-то в этом роде.

Единственное, чего я не мог понять, — почему Макото, которому выпало счастье родиться в такой хорошей семье, вдруг решил покончить с собой. Кажется, слово «самоубийство» оказалось в доме под запретом, и никто не заикался об этом. Поэтому иногда я начисто забывал, что Макото решил наложить на себя руки.

Это Мори

Как только стол опустел, мать Макото заботливо обратилась ко мне:

— На ужин я приготовлю твои любимые блюда, Макото. Может, тебе немножко передохнуть? Хочешь, поспи у себя в комнате до ужина.

Я слегка устал от пребывания в тесном семейном кругу, поэтому встретил это предложение с благодарностью.

— Да, пойду отдохну.

Я резко поднялся со стула и вдруг замер как вкопанный.

Ведь я и понятия не имел, где и как в этом доме все расположено.

Что делать?

— Что такое, Макото?

— Тебе плохо?

Кажется, члены семьи что-то заподозрили.

Внезапно — как будто понимая, что настало его время, — у двери гостиной возник Пурапура, на этот раз почему-то в костюме.

Развернувшись, он сделал мне знак рукой. Я хотел кивнуть, но вовремя удержался — похоже, кроме меня, его никто не видел.

Не говоря ни слова, я бесшумно поднялся по лестнице вслед за Пурапурой. Спальня Макото располагалась на втором этаже. Это была комната в европейском стиле площадью в шесть татами. Простая мебель, по большей части черная, небесно-голубой ковер. Яркий свет заливал комнату через многочисленные окна, шторы цвета травы отражали солнечные лучи.

Пурапура остановился перед ними, а я присел на краешек кровати.

— Давно не виделись, — с иронией заметил я. — Вы же вроде бы проводник. Я думал, вы мне все тут покажете и расскажете.

— Такова наша политика, — сразу ответил Пурапура. — Лучше, чтобы у тебя не возникало никаких предубеждений.

Многоцветье

Ты сам должен все прочувствовать, а не мы тебе все показывать.

Я снова оглядел Пурапуру с головы до пят. Что-то с ним не то.

— Там, наверху, вы выглядели иначе...

Пурапура усмехнулся на мои слова:

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Честно говоря, когда я появляюсь в земном мире как ангел, то чувствую себя дураком. А ведь люди меня даже не видят!

— И раньше вы как-то повежливее со мной разговаривали.

— Говорят же, что снаружи, то и внутри. Ха-ха, шутка. Так сказать, стараюсь побыть поближе к земле. Давай-ка на «ты». Идет?

— Ага.

Какой же толковый ангел мне попался, удивился я.

Пурапура же вдруг обратился ко мне деловым тоном:

— Как твоя гостевая семья?

— Да неплохо, — ответил я, выпятив грудь. — Пока что все идет как по маслу. Люди хорошие, мать вкусно готовит, комната приличная. Думал, будет куда хуже. И чего это Макото Кобаяси захотел покончить с собой — не понимаю!

Пурапура и бровью не повел.

— Не понимаешь? Просто тебе неизвестно, что творится в семье на самом деле.

— Как это?

— Просто ты ничего не знаешь.

Голос его был такой тихий и безэмоциональный, что я даже вздрогнул.

— В смысле?

— Отец Макото только притворяется. На самом деле он эгоист и думает исключительно о себе. А мать недавно стала изменять ему с инструктором по фламенко. Я об этом.

К горлу вдруг подступила тошнота. Похоже, я переел стейков, и теперь они подняли бунт в желудке. Да, если подумать, суши и стейки — сочетание не самое гармоничное.